

BODAK A.Yu., BODAK E.S. Struggle for labor discipline on the Great Patriotic War in the light of the decree of Presidium of the Supreme Soviet on 26 June 1940 (in Gantsevichi district, Pinsk oblast)

The article is sanctified to the problem of strengthening of labour discipline in the USSR on the eve of war. A large value was herein played by Decree of Presidium of Supreme Soviet of the USSR from June, 26 1940 His realization in life came true by hard methods and accompanied by numerous bends. However in the conditions of deficit of time before future war for more soft methods of time did not remain.

УДК 94 (410)

Ерохин В.Н.

СОЦИАЛЬНАЯ БАЗА И КУЛЬТУРНОЕ ВЛИЯНИЕ ПУРИТАНИЗМА В АНГЛИИ В РЕФОРМАЦИОННЫЙ ПЕРИОД

В изучении религиозно-политической истории Англии XVI–XVII вв. одним из явлений, по сей день привлекающим большое внимание исследователей, является пуританизм. В исследовании английского пуританизма для понимания этого религиозно-политического движения важны два аспекта: рассмотрение социальной базы пуританизма и его влияния на английскую культуру.

Возникновение пуританизма в Англии связано с тем, что в первые десятилетия после разрыва в 1534 году церковно-административных отношений с Римом религиозная политика начавшей Реформации в Англии короля Генриха VIII Тюдора (1509–1547) выстраивалась как стремление решить внутригосударственные проблемы, укрепить королевскую власть при нежелании копировать те образцы религиозно-политических преобразований, согласно которым Реформация проводилась в континентальной Европе. Внесли вклад в формирование пуританизма также и превратности политической истории Англии середины XVI века: в 1553–1558 годах дочь Генриха VIII от первого брака с Екатериной Арагонской рыная католичка Мария Тюдор, оказавшись на английском престоле, восстановила католическое вероисповедание в стране. И в правление Генриха VIII, и при Марии Тюдор группы англичан, уже воспринявших идеи европейской религиозной Реформации, эмигрировали на континент. Исследователи применительно к этому времени выявили две волны английской эмиграции (1530–1540-е годы и 1553–1558 годы). Мотивы их отъезда были религиозными. В результате среди англичан появились лица, которые непосредственно видели в действии европейские реформированные церкви и уже не смогли после возвращения в Англию принять те организационные формы, которые приняла государственная англиканская церковь во главе с монархом. Эти англичане-эмигранты также испытали идейное влияние цвинглианства и особенно кальвинизма, распространив соответствующие идеи после возвращения на родину и сформировав круг единомышленников в 1560-е годы, из чего и развился английский пуританизм. Идейное влияние кальвинизма, по сути дела, и оказалось определяющим для возникновения и развития английского пуританизма, проникшего впоследствии также на североамериканский континент.

Кальвинистские мотивы постоянно проявлялись в пуританизме. Как отмечал А. Симпсон, сущностью пуританизма являлся внутренний опыт обращения, испытанный пуританином, наделяя его привилегиями и обязанностями избранного. Для пуританского сознания была характерна непоколебимая уверенность в себе. По словам известного североамериканского исследователя П. Миллера, которого цитирует Симпсон, «невозможно представить себе разочарованного пуританина. Вне зависимости от того, какие неудачи выпадают на его долю, несмотря на то, насколько часто и трагически его подводят соотечественники, пуританин готов к худшему и не ждёт лучшего» [1, р. 114]. При восприятии человека в рамках пуританского сознания под влиянием кальвинизма обычно, в первую очередь, проявлялось недоверие: зная испорченность человеческой природы влиянием первородного греха, лучше быть осторожным.

П. Мак-Грат полагал, что в состав пуритан следует включить тех из числа реформаторски настроенных духовных лиц внутри церкви, кто оказался в конфликте с церковными властями по доктринальным или обрядовым причинам [2, р. 45]. У. Хант понимает под пурита-

низмом корпус мнений внутри английского протестантизма, характеризовавшийся интенсивной враждебностью к католической церкви как воплощению Антихриста; подчёркиванием роли проповеди и изучения Библии, а не ритуала как средства спасения; желанием навязать строгий моральный кодекс обществу в целом. Эти качества обычно сопровождалось, на его взгляд, агрессивной империалистической концепцией национального призвания Англии. Мнение о том, что Реформация сопровождалась и, более того, также питалась ростом национализма в Европе, разделяют многие историки. Ч. Джордж, говоря об этом, отмечает, что, в отличие от католиков, европейские протестанты не достигли сравнимого с ними единства действий в борьбе со своими религиозными противниками – протестантов разобщал национализм [3, р. 251]. Перечисленные особенности, считает Хант, не обязательно принадлежали только пуританам, но у них они проявлялись с наибольшей интенсивностью. Пуритане враждебно относились к традиционной народной культуре. Они придерживались теории предопределения. Характерная черта пуританина – вмешиваться в жизнь других с целью её исправления. Как пишет Хант, «человек безупречного личного поведения, который, тем не менее, не возражает пьянству соседа в воскресный день, или его блуду на сеновале – не пуританин. Пуританин, который думает только о личных делах – это противоречие в определении» [4, р. X, 146]. Эта пуританская идейная накачка, стремление к поучениям и исправлению нравов до сих пор проявляется в англо-саксонской культуре и заметна даже в современной внешней политике США.

По мнению Л. Стоуна, сущность пуританизма заключается «в энтузиазме к моральному совершенствованию каждого аспекта жизни». Это рвение выражалось в желании упростить службу в церкви, улучшить профессиональные качества священников, ограничить авторитет и богатство епископата, применять самые строгие принципы морали к церкви, обществу и государству. Говоря о распространении пуританизма в обществе, Стоун отмечал, что к нему тяготели некоторые представители знати, многие среди влиятельного джентри, некоторые крупные купцы, очень многие из мелких торговцев, ремесленников, владельцев торговых заведений, йоменов. В Англии, как и везде в Европе, существовала определенная связь между текстильной промышленностью и религиозным радикализмом. Особенно восприимчивы к религиозным влияниям радикального характера были ремесленники с сидячим характером труда, где разговор естественным образом сопровождает работу – это портные, обувные мастера и т.п. Наряду с этим, пуританская идеология, с её решительной антикатолической, анти-испанской позицией и прославлением англичан как избранного народа, слилась с подъемом национализма, который значительно усилился из-за долго сохранявшейся угрозы испанского вторжения.

Стоун отмечает ещё один момент в характеристике пуританизма – вызревание конфликта между стремлением пресвитерианских священников быть руководящей моральной инстанцией в обществе и авторитетом их светских патронов, но этот конфликт открыто не проявил себя до 1640-х годов, когда был ликвидирован епископат. Пуританизм среди джентри, считал Л. Стоун, распространяли пуритански настроенные преподаватели университетов [5, р. 99–100]. Как

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, профессор кафедры документоведения и всеобщей истории Нижневартковского государственного университета.

Российская Федерация, Ханты-Мансийский автономный округ-Югра, Нижневартковский государственный университет, 628605, ХМАО-Югра, г. Нижневартовск, ул. Ленина, 56, e-mail: erohin_vladimir@inbox.ru

показали историки пуританизма, пуританские священники отнюдь не становились автоматическими выразителями интересов тех светских лиц, от которых зависело их назначение в приходы – пуритане часто бичевали пороки, невзирая на лица. По словам П. Мак-Грата, «пуританское духовенство поставляло идеи и движущую силу пуританизма, и, хотя они опирались на поддержку светских патронов, они никогда не оказывались у них в кармане» [2, р. 382; 6, р. 96].

Л. Стоун высказал также свое мнение о политических следствиях пуританизма. Пуританизм обеспечил в ходе Английской революции середины XVII века чувство уверенности в правильности дела, за которое стояла оппозиция, помогал построить теоретическое оправдание вызова существовавшим порядкам. Пуритане, заключал Стоун, могли быть консервативными в большинстве своих идей, но их стремление к строительству «Города на холме», Нового Иерусалима, могло быть мощным стимулом к радикальным изменениям [5, р. 100–101].

Исследователи демонстрируют, как противоречиво сочетались в пуританизме консервативные и потенциально революционные черты. С одной стороны, пуританизм подрывал иерархическую концепцию общества, опираясь на кальвинистскую идею предопределения. Но, с другой стороны, тем самым создавалась новая социальная градация [7, р. 214; 8, р. 178]. П. Коллинсон отметил, что выражением этой склонности пуритан к установлению новой общественной иерархии было их согласие с распределением мест в церкви в соответствии с заслугами и ролью в жизни прихода наиболее уважаемых прихожан [6, р. 189]. У. Ламонт связывал усиление революционных настроений в пуританской среде с влиянием миллениаризма, характерного для сложившихся под влиянием пуританизма сепаратистских сект, и эта черта, на его взгляд, стала проявляться лишь в предреволюционные годы, а в XVI – начале XVII вв. большинство пуритан не были радикалами [9, р. 135].

Характерной чертой пуритан истории считают также их заряженность на борьбу за свои идеи. По словам У. Ханта, «отсутствие борьбы было для пуритан даже очень плохим знаком», так как избранные никогда не смогут примириться с положением дел в этом несовершенном мире [4, р. 154]. Но святой, избранный в пуританизме, в отличие от католицизма, не должен был сам искать страданий. Ч. Джордж отметил, что практика намеренного физического аскетизма пуританами осуждалась [3, р. 110–112].

Пуританские убеждения в человеке способствовали определенной рационализации, упорядочению его жизни, в том числе и общественной деятельности, экономических занятий. Но при этом пуритане продолжали воспринимать общественные явления с моральной точки зрения. А. Дж. Диккенс считал невозможным рассматривать пуритан в их экономической деятельности как безжалостных предпринимателей, стремившихся к прибыли любой ценой – только на сравнительно поздней стадии существования пуританизма появилось некоторое количество пуритан, способных думать подобным образом. Чарльз и Кэтрин Джордж даже утверждали, что в 1570–1640 годах пуританская мысль была ещё полностью оппозиционной по отношению ко всему духу капиталистического предпринимательства. Пуритане активнее, чем какая-либо другая религиозная группа, осуждали ростовщичество, проявления жадности в экономической деятельности, социальную несправедливость, и лишь с течением времени взгляды пуритан стали более терпимыми в отношении к окружавшим их явлениям капиталистической экономики. Пуритане были склонны объяснять проблемы светской жизни нарушением моральных норм теми, кто испытывал проблемы и совершал грехи в своей личной жизни [3, р. 144–173].

А. Дж. Диккенс отмечал значительное и благотворное по характеру влияние пуританизма на английскую политическую культуру. Пуритане часто успешно основывали колонии, сопротивлялись авторитарным властям потому, что, по его мнению, в светских делах успешнее может действовать религиозно дисциплинированная личность, которую формировал пуританизм. Пуритане долго развивали идеи о свободе мысли и возможности свободной публикации произведений с изложением своих взглядов, выступали против произвольной власти монарха и церковных прелатов, так что Английскую революцию середины XVII можно рассматривать как логичную кульминацию в развитии этих идей. Но, считал А. Дж. Диккенс, не преуменьшая религиозные аспекты так называемой «пуританской рево-

люции», надо признать, по его мнению, огромную весомость и обособенность светских причин этой революции [10, р. 432].

Рассуждая о социальной природе пуританизма, А. Дж. Диккенс отмечал, что пуританизм развивался преимущественно среди горожан, и для его восприятия была необходима некоторая образованность, вдумчивость. Пуританизм со временем формировал умы, страстно преданные гражданской и личной свободе, приучал человека опираться на свои силы. Несмотря на появление некоторых исключений, среди которых в наибольшей степени обратили на себя внимание левеллеры, пуритане, по мнению А. Дж. Диккенса, редко разделяли и принимали идеи демократического эгалитаризма. При различиях в конкретном определении церкви пуритане считали, что церковь обладает сферой своих собственных властных полномочий, и характерным для пуритан было также мнение о том, что церковь должна проявлять самостоятельность в отношениях с государственной властью.

Пуританизм, как отмечал А. Дж. Диккенс, способствовал сближению менталитета и образа жизни между наиболее развитыми районами и тем, что называли «тёмными углами страны» – Западной Англией, Уэльсом, Севером. Лондонские купцы с пуританскими наклонностями, родившиеся в провинции, потом обычно стремились поддерживать на своей родине проповедников, школы, богоугодные заведения. Так что пуританизм, на первый взгляд, создавая религиозные несогласия и раскол, в другом и более глубоком смысле сплачивал территорию и население страны [10, р. 433].

Ещё одна черта пуританизма состоит в том, что большинство, хотя и не все, пуритан были склонны не доверять абстрактному знанию и научному любопытству. Хотя пуританизм поощрял независимость в интеллектуальной жизни и индивидуализм, А. Дж. Диккенс не был склонен увязывать пуританизм с научными и философскими достижениями XVII века. Стремление к образованности в пуританизме оставалось ограниченным по своей цели: пуритане стремились создать сообщество постоянно читающих Библию англичан и сформировать в стране высокообразованное духовенство. При этом, по мнению А. Дж. Диккенса, пуританизм мог подавить стремление к умеренности, которое стало формироваться в англиканстве, и к тому же не все англичане были сторонниками такой насыщенной и дисциплинированной религиозной жизни, как пуритане.

По оценке А. Дж. Диккенса, по мере укоренения в стране протестантизма «английская культура и национальный характер эволюционировали в сторону утверждения в них стремления к творчеству и свободе, которые были несовместимы с женовским духом», то есть кальвинизмом. Если Реформация в итоге привела к духовной свободе, это было её медленным, побочным результатом, которого первоначальные поборники Реформации не предвидели и не желали. Пуритане вплоть до гражданской войны середины XVII века мало думали о религиозной терпимости в обществе, сохраняя непримиримым отношение к католикам. Став наследниками идей Кальвина, пуритане, писал А. Дж. Диккенс, упустили возможность того, чтобы воспользоваться более мягкой религиозной традицией в истории Реформации, представляемой лютеранином Филиппом Меланктоном [10, р. 196, 436].

Как писал А. Дж. Диккенс, при всей религиозной нетерпимости протестантов среди реформаторов изначально во взглядах Ульриха Цвингли (1484–1531), Филиппа Меланктона (1497–1560), Мартина Буцера (1491–1551) и среди анабаптистов существовала более либеральная традиция, первым представителем которой в Англии, видимо, был один из первых английских протестантов начала 1530-х годов Джон Фрит. Фрит утверждал, что ни одна интерпретация Евхаристии не может быть сделана обязательной. Когда также известный публицист Томас Старки во второй половине 1530-х годов признал, что некоторые существовавшие в то время верования и обряды могут быть отнесены к категории *adiaphora* (второстепенные элементы вероучения и обрядности), с этого времени можно считать, что в сознании англичан начали прорастать первые проявления толерантности, получив далее в XVI веке некоторое развитие даже у рьяного протестантского апологета Джона Фокса. Реформация подрывала основания для религиозных преследований в перспективе уже тем, что была признана возможность существования многих церквей, и если власти где-то убеждались, что можно без угрозы для государства допускать религиозные свободы, в таких протестантских государствах эта свобода начинала укореняться [10, р. 438–440].

А. Симпсон придерживался мнения, что «пуритан поддерживали самые разные социальные группы, недовольные существовавшим положением вещей: знать, борвавшаяся за привилегии при дворе, джентри, горожане, мелкие ремесленники, а в случае, когда усиливалась угроза со стороны папства, все англичане были более склонны к пониманию позиции пуритан. Настоящие пуритане всегда были меньшинством, но в обществе существовала масса недовольных, которые питали пуританизм» [1, р. 11–12].

У. Халлер отмечал, что «деятельность пуританских проповедников многое меняла в жизни простых людей, которые под их влиянием собирались вместе, учились читать, обмениваться идеями и опытом, участвовать в дискуссии, самовыражаться. В центре внимания были проблемы личности, человек получал облегчение от коллективного их обсуждения, поскольку выяснялось, что эти проблемы являются общими» [8, р. 63].

А. Симпсон попытался оценить вклад пуританизма в английскую политическую традицию. По его словам, пуритане испытывали недоверие к любой неограниченной власти, считая, что человек слишком грешное существо, чтобы ему доверять. Современники периода активности пуританского движения и позднее историки обратили внимание, что события середины XVII в., годы революции, вообще период Реформации привели к тому, что люди стали более рассудительными, и властям, священникам стало трудно навязать народу необоснованные мнения. Пуританизм развил в народе навыки самоуправления, внёс большой вклад в образование – для чтения Библии нужна была грамотность, и таким путем можно было попытаться узнать, принадлежишь ли ты к числу избранных. В пуританской морали, считает Симпсон, были и отталкивающие черты, но в целом неплохо иметь прививаемые пуританами привычки к честности, рассудительности, ответственности, трудолюбию. Вероятно, приобретенная энергия в период бурного развития капитализма в XIX в. произвела бы больше хаоса, если бы не было ограничивающего влияния пуританской морали. Пуритане усилили также моральный элемент в политике [1, р. 111–114].

Исследователи до сих пор не смогли выявить ясные классовые различия между сторонниками и противниками религиозных реформ в обществе в эпоху Реформации. С одной стороны, П. Коллинсон отмечал связь пуританизма в некоторых городах с промышленной и торговой деятельностью, К. Хилл привлёк внимание к тому, что существовали зоны распространения пуританизма в промышленных районах Йоркшира, Ланкашира – графств, которые были в целом отстающими в экономическом развитии. Но П. Мак-Грат напоминает, что были такие города, и они составляли большинство, где пуританизм не имел большого успеха. По словам А. Дж. Диккенса, «можно резонно утверждать, что пуританизм процветал среди горожан ... но это справедливо в целом и при взгляде в ретроспективе, однако, спорно то, что эта характеристика может быть применена к Англии эпохи Елизаветы» [1, р. 318].

По мнению Дж. Горинга, можно утверждать, что на рубеже XVI–XVII вв. начинается разрыв между народными праздниками и жизнью приходской церкви. Иногда народные праздники исчезали по чисто экономическим причинам – по мере роста цен дорожали еда и напитки, и расходы на их проведение не окупались. Но в XVII веке всё же народные праздники отмирали не только по экономическим причинам, поскольку многим англичанам они теперь определённо не нравились. С 1580-х годов против распространённых в народе форм проведения досуга начало кампанию духовенство, осуждая, например, игру в футбол, поскольку она нередко оборачивалась «дракой в дружеской форме» [11, р. 24]. Некоторые историки утверждали, что, в то время как спорт оставался популярным среди представителей социальных низов, более состоятельные люди, имевшие деловые интересы и собственность, которая могла пострадать от буйных форм народного отдыха, относились к этой форме проведения времени без энтузиазма и были озабочены, прежде всего, поддержанием общественного порядка [12, р. 155–157, 175–177]. Исследователи в то же время обращают внимание на то, что отношение более состоятельных социальных групп к народной культуре всё же не было однозначно осуждающим: например, в Лидсе против запрещения праздников выступали наиболее состоятельные ремесленники и торговцы в городе, в городе Стратфорде за сохранение праздников высказывались местные джентльмены, йомены, состоятельные ремесленники [13, р. 841–842]. Дж. Горинг придерживается мнения,

что не следует, как К. Хилл, считать, что низшие классы рассматривали возможность потанцевать у майского шеста как символ своей независимости от социальных верхов [14, р. 184]. П. Коллинсон пишет, что рассмотрение подавления народных форм проведения досуга как проявления классовой борьбы означает признание появления ещё в начальный период раннего нового времени пока не существовавшей реально острой степени поляризации в английской культуре, поскольку «невозможно утверждать, что выпивка в это время доставляла удовольствие только представителям социальных низов, или только дети бедняков любили предаваться шумным играм по воскресеньям» [15].

Как считает П. Коллинсон, гипотезу о том, что пуританизм был религиозной склонностью формировавшейся буржуазии, эмпирическим путем трудно и подтвердить, и опровергнуть. Для иллюстрации трудностей в определении того, какие причины побуждают людей примкнуть к тому или иному религиозному течению, он приводит пример из собственной жизни: появившись на свет в 1929 году и воспитываясь в бедном районе Северного Лондона в набожной евангелической семье (приверженцы близкой к пуританам низкой церкви, которые борются с ритуализмом в англиканской церкви), П. Коллинсон затрудняется найти ответ на вопрос о том, «какой же классовый предрассудок толкнул его родителей в это исповедание и привёл к тому, что он сам получил воспитание в домашнем уединении» [16, р. 152].

В целом можно утверждать, что пуританизм усилил присущие протестантизму индивидуалистические интенции, и эти черты в определенном социальном контексте представляли собой, используя выражение П. Бурдьё, «символический капитал», который мог быть использован в риторике тех социальных групп, которые вели борьбу против уже утвердившихся в обществе социальных элит. Этими своими чертами пуританизм и стал привлекательным в Англии в XVI–XVII веках для тех социальных групп, которые были связаны с индивидуальным предпринимательством, свободными профессиями и всеми теми видами деятельности, в которых велика роль личностных качеств человека, его интеллектуальных способностей.

СПИСОК ЦИТИРОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Simpson, A. Puritanism in Old and New England. – Chicago, 1955.
2. McGrath, P. Papists and Puritans under Elizabeth I. – London, 1967.
3. George, C. H. George, K. The Protestant Mind of the English Reformation, 1570–1640. – Princeton (N. J.), 1961.
4. Hunt, W. The Puritan Moment. The Coming of Revolution in an English County. – Cambridge (Mass.) – London, 1983.
5. Stone, L. The Causes of English Revolution, 1529–1642 / L. Stone. – London, 1972.
6. Collinson, P. The Religion of Protestants: The Church in English Society, 1559–1625. – New York, 1982.
7. Rose, E. Cases of Conscience. Alternatives Open to Recusants and Puritans under Elizabeth I and James I. – Cambridge, 1975.
8. Haller, W. The Rise of Puritanism / W. Haller. – New York, 1947.
9. Lamont, W. M. Puritanism as History and Historiography: Some Further Thoughts / W. M. Lamont // Past and Present. – 1969. – № 44. – P. 133–146.
10. Dickens, A.G. The English Reformation / A.G. Dickens. – London and Glasgow, 1973.
11. Goring, J. Godly Exercises or the Devil's Dance? Puritanism and Popular Culture in Pre-Civil War England. – London, 1983.
12. Clark, P. English Provincial Society from the Reformation to the Revolution: Religion, Politics and Society in Kent, 1500–1640. – Hassocks, 1977.
13. Frapp, E. I. Shakespeare, Man and Artist. – Oxford, 1938.
14. Hill, C. Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. – London, 1964.
15. Collinson, P. The Beginnings of English Sabbatarianism // C.W. Dugmore and C. Duggan (Eds.). Studies in Church History. – London, 1964. – Vol. I. – P. 207–221.
16. Collinson, P. The Birthpangs of Protestant England. Religious and Cultural Change in the Sixteenth and Seventeenth Centuries. – New York, 1988.

Материал поступил в редакцию 06.10.15

The article deals with problems of defining of social basis and most characteristic traits of English Puritanism and its' influence on English culture. The views of contemporary British historians on these problems are discussed and summed up.

УДК 703+72

Моцук А.В.

АНТИСЕМИТИЗМ В МЕЖВОЕННОЙ ПОЛЬШЕ И ЗАПАДНОЙ БЕЛАРУСИ: ОБЩЕЕ И ЧАСТНОЕ

Межвоенная Польша, а вместе с ней и Западная Беларусь являлись в определённой степени «уникальным» государством: с одной стороны, ни в одной другой стране Центральной и Восточной Европы еврейское население не было столь широко представлено в общественно-политической сфере различного рода политическими партиями и общественными организациями, с другой – ни одна другая страна не знала столь широкого размаха проявлений антисемитизма. Антисемитизм как явление во второй польской республике достаточно чётко дифференцируется как по периодам своих пиков, так и по мотивам и формам его проявлений. Первый этап развития антисемитизма в стране приходился на рубеж 10-х – 20-х гг. XX в. и условно был связан с окончанием Первой мировой войны и воссозданием независимого польского государства. В его основе лежал комплекс причин, который можно разделить на несколько групп.

Во-первых, своеобразным толчком к развитию антисемитизма стала погромная волна, которая прокатилась по будущим восточным областям молодого польского государства в результате ряда военных конфликтов в самом начале его существования. В основе данной волны лежал широкий спектр мотивов – от элементарной анархии, безнаказанности и «традиционного» восприятия еврея как объекта физического насилия, до стремления к материальному обогащению за счёт еврейского населения. В определённой степени моральным побудителем к подобному рода действиям было то, что в глазах рядового обывателя из числа местного нееврейского населения еврей зачастую ассоциировался с мошенником, «наживающимся за счёт бедных неевреев».

Во-вторых, рост антисемитизма в данный период, особенно на государственном уровне, связан с процессом создания национальных государств на территории западных окраин бывшей Российской империи – Западно-Украинской Народной Республики (ЗУНР) и литовского государства. В данном случае еврейские политические круги либо поддерживали местных национальных лидеров, которые проводили открытую антипольскую политику, либо заявляли о своём нейтралитете. Мотивом данного поведения еврейской политической элиты являлась надежда на то, что в рамках этих молодых национальных государств, население которых ещё недавно само испытывало национальный гнёт, еврейское население будет вписано не только в экономическую структуру, но и в политическую систему страны. А так же будет иметь право на создание собственной национально-культурной автономии.

В глазах польских национальных лидеров и прежде всего лидера национальных демократов Р. Дмовского, который фактически исповедовал принцип «кто не с нами, тот против нас», это являлось открытым предательством интересов польского государства. Не случайно два самых сильных погрома начала 1920-х гг. на территории Польши произошли в этнически смешанных регионах, где польская национальная политика наталкивалась на противодействие со стороны других наций. Во Львове, где еврейское население заявило о своём нейтралитете в польско-украинском конфликте, евреи были обвинены поляками «в сотрудничестве с украинцами». В Вильно, который являлся центром литовского и белорусского национального движения, евреи так же были обвинены в том, что поддерживали литовские националистические силы.

Фактически образ еврея стал собирательным образом врага польского государства, будь то еврей-большевик Советской России, либо сторонник ЗУНР или Литовской республики. Нет сомнений и в том, что волна антисемитизма была вызвана ростом польского национализма и провозглашением доктрины «Польша для поляков».

В-третьих, нельзя списывать со счетов и последствия жёсткого экономического кризиса, который прокатился по Польше в конце 10-х – начале 20-х гг. XX в. В условиях роста экономических проблем существует тенденция обострения межнациональных взаимоотношений. Что выливалось, в данном случае, в постоянное нагнетание антиеврейских настроений, т.к. в глазах рядового обывателя еврей представлялся либо конкурентом, либо мошенником, наживающимся на тяжёлом положении поляков (украинцев, белорусов и т.д.).

Второй этап роста антисемитизма связан со второй половиной 30-х гг. XX в. В его основе лежали две основные причины:

1. Последствия экономического кризиса 1929–1932 гг., который фактически подорвал польскую экономику, тем самым поставив рядового польского обывателя на грань выживания.
2. Рост профашистских настроений в Польше на волне популярности идей национал-социализма, связанных с приходом А. Гитлера к власти в Германии.

Характеризуя развитие антисемитизма в Польше, следует понимать, что он дифференцируется не только по периодам проявления, но и по формам. С одной стороны, достаточно чётко определяется государственная политика гонений на еврейское население, которая проявлялась через определённые мероприятия государственных органов власти, например печально известная *numerus clausus* – «скамья гетто» – в университетах, в результате введения которой количество евреев-студентов в польских университетах сократилось с 24.6 % в 1921–1922 гг. до 8.2 % в 1938–1939 гг. [1, л. 12].

Кроме этого, польское государство проводило политику, направленную на ограничение влияния евреев на польскую экономику. Евреям стало практически невозможно получить банковские ссуды либо лицензии на ремесленную деятельность. Более того, правительство приняло закон, по которому запрещалась работа в воскресные дни. Польской общественностью он был встречен как прогрессивный акт, так как фактически данное требование было одним из главных требований польского рабочего движения. Однако евреями он воспринимался совершенно иначе, так как данный закон подразумевал, что многие евреи будут вынуждены в течение двух дней в неделю закрывать свои магазины и мастерские, а значит, нести определённые материальные убытки.

С другой стороны, мы можем говорить о бытовой стороне антисемитизма, в том числе на уровне негативного восприятия образа еврея рядовым обывателем (См. Розенблат Е., Еленская И. Евреи Западной Белоруссии глазами их соседей // Диаспоры. Независимый научный журнал. 2006. № 3. С. 150–179). Подобную характеристику различным сторонам антисемитизма дают лидеры польского Бунда, той партии, которая фактически возглавила борьбу еврейского населения с данным явлением.

Характеризуя проявления антисемитизма в Польше, руководство Бунда выделяет два основных его направления: бытовой или хозяйственный и общественно-политический, причём последний

Моцук Анатолий Васильевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой социально-политических и исторических наук Брестского государственного технического университета. Беларусь, БрГТУ, 224017, г. Брест, ул. Московская, 267.